

Неравенство доходов в современной России на фоне долгосрочной исторической ретроспективы

Диденко Дмитрий Валерьевич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия, e-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Цитирование: Диденко Д.В. (2022). Неравенство доходов в современной России на фоне долгосрочной исторической ретроспективы. *Terra Economicus* 20(2), 72–85. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-72-85

В данной статье внимание сосредоточено на документировании тенденций в сфере неравенства доходов в России в течение последнего десятилетия экономической стагнации в соотношении с предыдущими историческими периодами. Используются оценки из широкого круга наборов данных и основанных на них исследований: официальной статистики Росстата, РМЭЗ НИУ ВШЭ, Всемирного банка, WIID (UNU-WIDER), исследовательских команд Дж.К. Гэлбрейта-младшего (UTIP-UNIDO), Я.Л. ван Зандена, Т. Пикетти, а также их критиков. Сконструированные ранее автором длинные временные ряды показателей неравенства в России дополняются данными за последнее десятилетие, с пересмотром отдельных оценок за предыдущие периоды. Основанный на неоклассической теории человеческого капитала анализ проблематики неравенства доходов расширяется за счет привлечения инструментария институциональной экономики и экономической социологии. С учетом недавних работ, связывающих измеряемые показатели с их восприятием, в статье показана широкая картина неравенства как институциональной характеристики социума постсоветской России. В течение последнего десятилетия динамика неравенства доходов в России была слабо выраженной: по большинству свидетельств, резко замедлилось его снижение; согласно другим, оно умеренно возросло. При этом по историческим и межстрановым сопоставлениям уровень неравенства остается сравнительно высоким. Освещаются вопросы соотношения динамики неравенства зарплат, совокупных доходов, уровня бедности: его снижение оказалось более впечатляющим по сравнению с индикаторами неравенства. В целом подтверждается сделанный ранее прогноз о сохранении повышенного уровня неравенства доходов в России. Делается вывод, что обозначившееся в последнее время внедрение элементов прогрессивного налогообложения создает основу для сокращения дифференциации зарплат на 5-6 п.п. по индексу Джини в течение 10–15 лет.

Ключевые слова: неравенство доходов; длинные ряды данных; человеческий капитал; институты; социально-экономическое развитие

Финансирование: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Income inequality in contemporary Russia in the long-run historical perspective

Dmitry V. Didenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
e-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Citation: Didenko D.V. (2022). Income inequality in contemporary Russia in the long-run historical perspective. *Terra Economicus* 20(2), 72–85 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-72-85

In this article we focus on documenting the dynamics of income inequality in Russia and its patterns during the last decade of economic stagnation, relative to previous historical periods. We use a wide range of estimates from the data sets and the research literature: the official statistics from Rosstat, RLMS-HSE, the World Bank, WIID by the UNU-WIDER, findings provided by the research teams of J.C. Galbraith Jr., J.L. van Zanden, T. Piketty, as well as by their critics. Long time series on the dynamics of inequality in Russia, constructed by the author, are augmented by the data for the last decade, with revision of some estimates for previous periods. We expand our analysis of inequality issues, based on neoclassical human capital theory, by employing methods of institutional economics and economic sociology. Considering the recent literature on relationships of inequality measures with their perceptions, the article provides a broad pattern of inequality as an institutional feature of the post-Soviet Russia society. Over the past decade, the dynamics of income inequality in Russia has been weakly expressed: according to the evidence from most of the sources, its decline has sharply slowed down; according to other papers, it has increased moderately. Historical and cross-country comparisons suggest that inequality remains relatively high. I highlight the issues of correlation between the dynamics of inequality of wages, of total income, and the level of poverty, reduction of which appeared to be more impressive than that of measured inequality. I generally confirm my earlier outlook as regards persistence of an elevated level of income inequality in Russia. The paper concludes that the recent adoption of elements of progressive taxation provides the basis for reduction in wage differentials by 5-6 percentage points measured by the Gini index in the perspective of 10–15 years.

Keywords: income inequality; long time series; human capital; institutions; socio-economic development

Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

JEL codes: D63, I32, J24, J31

Введение

Необычно высокая для научного труда популярность книги «Капитал в XXI веке» (Пикетти, 2015), ее перевод на несколько десятков языков (в том числе русский), публикация работы команды Т. Пикетти о вековом тренде неравенства доходов в России (Novokmet et al., 2018), а также их широкое обсуждение свидетельствуют о неослабевающем научном и общественном интересе к данной проблематике.

В парадигме школы постсоветского институционализма индикатор неравенства доходов рассматривается в качестве институционального фактора, влияющего на производственные возможности экономической системы (Малкина, 2016: 104, 110–114; Меркулова, 2010: 68–69), а его динамика указывается в качестве одного из признаков институциональных изменений положения домохозяйств (Нуреев, 2019: 222, 224).

В рамках анализа «модифицированной кривой Кузнецца» динамика неравенства доходов рассматривалась как циклический процесс, при котором его возрастание связывается с радикальным разрушением прежних институтов трудовых отношений в ходе системных трансформаций и несформированностью

новых (Диденко, 2015: 106–107, 273–274, 296–307). При этом наибольшее внимание получила проблематика частной отдачи на человеческий капитал, аппроксимируемой неравенством заработных плат в разрезе премий за квалификацию работников, которая является следствием полученного ими образования и опыта работы. В свою очередь, анализ «кривой Кузнеца» во времени и пространстве непосредственно связан с вопросом определения оптимального уровня неравенства, при котором оно оказывает максимизирующее воздействие на темпы экономического роста (Балацкий, 2020; Юревич, 2019).

Другая концепция цикличности долгосрочных трендов неравенства доходов – «волны Кузнеца» – связывается с различным характером технологического прогресса и сопутствующих изменений на рынках образования и финансовых активов, а также с различием трендов технологии, открытости экономики и политики государства (Миланович, 2017: 75–161).

Целью данной статьи является документирование тенденций в сфере неравенства доходов в течение последнего десятилетия экономической стагнации, их отличий от периодов системной трансформации 1990-х и восстановительного роста 2000-х гг., сопоставление с длительной исторической ретроспективой. Эти тенденции и лежащие в их основе факторы только начинают получать освещение в научной литературе.

Мы используем скорректированные и дополненные последними значениями длинные ряды данных, характеризующие динамику неравенства доходов в России/СССР, сконструированные в (Didenko et al., 2013: 127, 131, Supplementary Data) и (Диденко, 2015: 174–176).

Наше исследование основано на теории человеческого капитала, отдающей предпочтение анализу структуры трудовых доходов. Как правило, эта теория придерживается неоклассических подходов, в основе которых лежит предположение, что дифференциация оплаты труда и предпринимательских доходов является следствием неравенства в маржинальной производительности накопленных в той или иной форме капиталов. Эмпирическим подкреплением данного предположения выступает глобальная тенденция к снижению относительных издержек социальной и профессиональной мобильности рабочей силы, средств производства, потоков финансовых ресурсов.

Также мы расширяем анализ проблематики неравенства, привлекая инструментарий институциональной экономики и экономической социологии. В отличие от неоклассического, институциональный подход делает акцент на эффектах барьеров и социальных детерминантах, к которым относятся трансакционные издержки мобильности, различные виды социальной дискриминации, а также степень толерантности того или иного общества к неравенству. С учетом последней литературы, связывающей показатель неравенства доходов с его восприятием обществом, в статье осуществлен междисциплинарный подход к исследованию экономического неравенства как институциональной характеристики социума постсоветской России с проекцией на предстоящие 10–15 лет.

Информационная база и методы ее анализа

В связи с методологическими сложностями и по-прежнему несовершенными методиками измерения неравенства доходов, мы используем оценки из широкого круга наборов данных и основанных на них исследований. Помимо Росстата, это РМЭЗ НИУ ВШЭ¹, Всемирный банк, Центр Инноченти ЮНИСЕФ, коллективы под руководством Дж.К. Гэлбрейта-младшего (UTIP-UNIDO), Я.Л. ван Зандена (Van Zanden et al., 2013), Т. Пикетти (Novokmet et al. 2018), свидетельства их критиков (Капелюшников, 2019; 2020а), а также другие источники из базы данных WIID (UNU-WIDER, 2021²). По сравнению с 1990 – началом 2000-х гг. достоверность исходной информации и сделанных на ее основе оценок значительно повысилась. В частности, Росстат стал более корректно учитывать теневые доходы, сократилась разница его оценок с другими источниками.

Существуют различные показатели и методы измерения неравенства доходов, которые освещены в специализированной литературе (см., напр.: Кислицына, 2005: 20–42; Салмина, 2019).

Основными методологическими проблемами при измерении неравенства являются:

1) выбор единицы анализа (индивид, работник, домохозяйство), спектра источников доходов (трудовые, предпринимательские и смешанные), формы получения (денежные, совокупные), стадии измерения (рыночные, налогооблагаемые, располагаемые после налогов и трансфертов). В логике неоклассического подхода такой единицей становится индивид, в то время как при институциональ-

¹ Крупнейшее национальное обследование домохозяйств по репрезентативной выборке, проводимое практически ежегодно с 1994 г.

² Здесь и далее: UNU-WIDER (2021). World Income Inequality Database (WIID). Version 31 May 2021. <https://www.wider.unu.edu/database/world-income-inequality-database-wiid>

ном – домохозяйство (Нуреев, 2003: 103–111). Переход к уровню домохозяйств имеет следствием эквивализирующие эффекты. В то же время собранные в базе WIID (UNU-WIDER, 2021) результаты различных обследований показывают, что чаще неравенство измеряется по индивидуальным доходам. При этом в статистической практике развитых стран применяется внесение поправок с помощью шкал эквивалентности для учета эффекта масштаба домохозяйств (Капелюшников, 2019: 101–102);

2) выбор показателя: коэффициент Джини (наиболее часто используемый), индекс энтропии Тейла (в конце 1980-х продемонстрировал слабую предсказательную способность для России, показав дивергенцию с коэффициентом Джини), индекс Аткинсона (учитывает толерантность общества к неравенству); децильный коэффициент фондов (учитывает только верхний и нижний сегменты распределения, из которого выпадает 80%); доля 10%, 1% наиболее богатой части населения (выпадает подавляющая часть распределения доходов, но косвенно характеризует институциональную структуру распределения капитальных факторов производства); коэффициент вариации (применяется в качестве первого приближения).

В новой версии базы данных WIID (UNU-WIDER, 2021) для отдельных стран сконструированы длинные ряды распределения доходов, представленные указанными группами индикаторов.

Для оценки исторических тенденций динамики неравенства доходов в России мы применяем показатель дифференциала заработных плат в промышленности (крупной и средней), который имеет более ста лет сравнительно достоверного статистического покрытия. Поскольку советская экономическая мысль рассматривала промышленность как ключевой сектор национальной экономики, уровень зарплат занятых в ней рабочих и служащих (прежде всего инженерно-технического персонала) получил непрерывное отражение в данных отечественной статистики. Исходя из теории человеческого капитала, соотношение зарплат служащих (включая руководителей и специалистов) и рабочих соотносится с разницей в продолжительности полученного ими институционализированного образования в пересчете на 1 год.

Постсоветская Россия в 2010-е гг.: замедление снижения неравенства на фоне стагнации экономики

Данные табл. 1 указывают на стабильно высокий уровень неравенства в России в течение последнего десятилетия со слабой тенденцией к спаду на фоне стагнации экономики. При этом различия трендов по заработной плате и совокупным доходам слабые.

Таблица 1

Альтернативные оценки неравенства доходов в России в 2010-е гг., индексы Джини, %

Год	Novokmet et al. (2018) – (налогооблагаемые доходы)	УТИР-UNIDO (Galbraith et al., 2017)	Всемирный банк – доходы и расходы*	WIID**	РМЭЗ НИУ ВШЭ – з/п***	Росстат – доходы****	Росстат – з/п*****
2010	54,2	42,0	39,5	34,55		42,1	
2011	54,6		39,7	36,13	38,4	41,7	42,5
2012	52,6	43,1	40,7	37,70		42,0	
2013	54,0	43,3	40,9	37,15	37,1	41,9	42,0
2014	52,4	43,5	39,9	36,61		41,6	
2015	52,0	43,7	37,7	36,02	35,9	41,3	41,3
2016			36,8	35,54		41,2	
2017			37,2	35,80	35,6	41,1	41,5
2018			37,5	34,69		41,3	
2019				34,69		41,1	41,0

Источники: * World Bank (2021)³, ** UNU-WIDER (2021), *** По расчетам в (Капелюк, 2019: 21), **** https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cbAGFbtY/pril-year_2020.xls, ***** <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>

³ Здесь и далее: World Bank (2021). Russian Federation. <https://api.worldbank.org/v2/en/country/RUS?downloadformat=excel>

Более заметное снижение демонстрируют оценки неравенства, измеряемого децильным коэффициентом (табл. 2). Со стороны Росстата они оказываются максимальными среди имеющихся рядов. Снижение неравенства по заработным платам оказалось более выраженным, чем по доходам.

Данные табл. 3 демонстрируют похожую боковую динамику большинства индикаторов неравенства, но в то же время свидетельствуют, что наиболее заметное его снижение отмечалось при значениях параметров, соответствующих повышенной чувствительности в нижнем сегменте, т.е. среди бедных слоев. Об этом же свидетельствует устойчивое сокращение относительной бедности⁴ на фоне неровной динамики индекса Джини в 2010-е гг. (рис. 1).

Таблица 2

Альтернативные оценки неравенства доходов в России в 2010-е гг., децильный коэффициент фондов

Год	Всемирный банк – доходы и расходы*	WIID**	РМЭЗ НИУ ВШЭ – з/п***	Росстат – доходы****	Росстат – з/п*****
2010	12,2	12,07		16,6	
2011	12,0	12,27	12,2	16,2	16,1
2012	12,9	12,46		16,4	
2013	12,5	12,03	12,2	16,3	15,8
2014	12,3	11,62		16,0	
2015	10,6	11,10	11,0	15,7	14,5
2016	10,2	10,76		15,5	
2017	10,1	10,64	10,6	15,4	14,1
2018	10,3	9,91		15,6	
2019		9,91		15,4	13,0

Источники: * World Bank (2021), ** UNU-WIDER (2021), *** По расчетам в (Капелюк, 2019: 21), **** https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cbAGFbtY/pril-year_2020.xls, ***** <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>

Таблица 3

Альтернативные оценки неравенства доходов в России в 2010-е гг., различные индикаторы

Год	Индекс Джини	Семейство обобщенных индексов энтропии				Коэффициент вариации	Индексы Аткинсона				
		($\alpha = -1$)	Индекс среднего логарифм. отклонения Тейла ($\alpha = 0$)	Индекс Тейла ($\alpha = 1$)	Индекс коэффициента вариации Тейла ($\alpha = 2$)		$\varepsilon = 0,25$	$\varepsilon = 0,50$	$\varepsilon = 0,75$	$\varepsilon = 1$	$\varepsilon = 2$
2007	34,6	35,9	22,4	20,2	23,4	6,8	5,0	10,0	15,0	20,1	41,8
2010	34,6	35,8	22,4	20,7	25,3	7,1	5,1	10,1	15,1	20,1	41,7
2012	37,7	32,8	24,5	24,2	30,5	7,8	5,9	11,5	16,7	21,8	39,6
2014	36,6	30,0	23,1	23,1	29,4	7,7	5,6	10,9	15,9	20,6	37,5
2015	36,1	29,0	22,3	22,2	27,8	7,5	5,4	10,5	15,4	20,0	36,7
2016	35,6	28,2	21,7	21,2	25,7	7,2	5,2	10,2	14,9	19,5	36,1
2017	35,8	28,0	21,9	21,6	26,7	7,3	5,3	10,3	15,1	19,6	35,9
2018	34,7	26,0	20,5	20,3	24,7	7,0	5,0	9,7	14,2	18,5	34,2

Примечания: Жирным шрифтом выделены наиболее часто используемые показатели неравенства; α – веса для отдельных отрезков распределения в семействе индексов энтропии Тейла; ε – параметр чувствительности к неравенству в индексе Аткинсона

Источник: UNU-WIDER (2021)

⁴ Уровень дохода ниже 50% медианного дохода считается зоной относительной бедности. В данных Всемирного банка также отражен выравнивающий эффект домохозяйств, в то время как при измерении Росстатом в индивидуальном разрезе значение данного показателя становится почти в 2 раза выше.

Рис. 1. Динамика неравенства доходов и относительной бедности

Источник: Доля проживающих ... – Росстат (https://gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tabbed2-7.htm)

Неравенство ... – World Bank (2021)

В индексе энтропии при $\alpha = 1$ (в литературе по умолчанию обозначается как «индекс Тейла») всем частям распределения доходов присваиваются равные веса. Чем меньше параметр α (задается исследователем), тем более он чувствителен к изменениям в нижней части распределения и наоборот (Салмина, 2019: 44).

В индексе Аткинсона параметр чувствительности ε задается исходя из нормативных представлений общества о допустимой глубине неравенства. При значении, равном нулю, характер распределения безразличен. Чем больше значение ε , тем сильнее индекс Аткинсона чувствителен к изменениям в нижней части распределения (Салмина, 2019: 45).

По дифференциалу заработных плат в промышленности отмечено некоторое повышение уровня неравенства (табл. 4). В первую очередь возросла относительная оплата руководителей по отношению к специалистам. Последние также несколько улучшили свое положение относительно других служащих и рабочих.

Таблица 4

Дифференциалы зарплат различных групп работников в промышленности

Год	Среднемесячная заработная плата, руб. в тек. ценах				Дифференциалы заработных плат, %		
	Руководители	Специалисты	Другие служащие	Рабочие	РИТ* / рабочие	Руководители / специалисты	Специалисты / другие служащие
2009	33 203	22 204	15 075	17 121	54	50	47
2011	43 311	29 564	18 409	22 246	55	46	61
2013	51 512	34 985	23 109	27 137	50	47	51
2015	61 739	41 297	28 101	31 618	53	50	47
2017	77 320	49 903	30 998	36 677	60	55	61
2019	86 871	56 597	36 612	42 486	57	53	55

* Руководители, специалисты и служащие

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>, <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>)

При повышении премий за квалификацию и образование снижение дифференциации заработных плат (табл. 1, 2) может быть объяснено ослаблением дифференциации по другим признакам, слабо связанным с интеллектуальными характеристиками работников, что соответствует предсказаниям теории человеческого капитала.

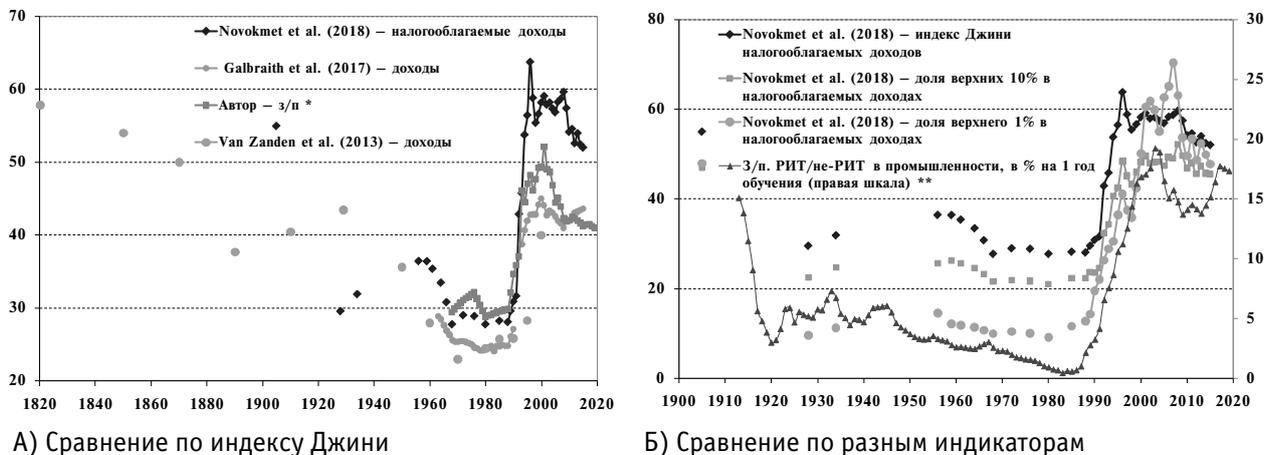
В литературе (Вотинов и др., 2019; Овчарова и др., 2019; Полякова, Смирных, 2016; Dang et al., 2018; Lisina and Van Kerm, 2019; Mareeva, 2020) отмечаются следующие факторы, действовавшие в сторону снижения неравенства доходов в Россия 2010-х гг.: сокращение территориальных различий (за счет подъема сельскохозяйственных регионов); сокращение разрыва в оплате труда между работниками бюджетного и внебюджетного секторов; сокращение относительной бедности (за счет повышений МРОТ, пенсий, пособий); увеличение доли медианной и средней страт (0,75–2 медианного дохода).

По совокупности свидетельств динамика неравенства в 2010-е гг. выражена слабо: по большинству оценок, снижение резко замедлилось, по некоторым – неравенство умеренно возросло. В данном случае Росстат и во вторую очередь РМЭЗ НИУ ВШЭ оцениваются как источники наиболее репрезентативные по выборке и наименее смещенные по результатам.

Современный уровень неравенства доходов в историческом сопоставлении

На рис. 2 продемонстрировано, что в долгосрочной ретроспективе ряды данных с оценками неравенства доходов имеют похожие тренды в разные периоды динамики, а поворотные точки, знаменующие смену их направления, близки по времени.

Долгосрочная динамика относительной разницы зарплат рабочих и служащих в промышленности⁵, с учетом разницы в продолжительности их обучения, показывает, что в периоды преобладания рыночных отношений в экономике (в 1913 г. и в 1990–2000-е гг.) она находилась в диапазоне 10–20% за 1 год образования. Это заметно выше по сравнению с периодом централизованного управления экономикой (0,5–7,3%), в том числе во время ускоренной индустриализации (4,5–7,3%). Таким образом, дифференциация зарплат, с учетом разницы в уровне человеческого капитала, вернулась к уровню 100-летней давности, соответствующему институциональной среде раннеиндустриальной рыночной экономики.

Рис. 2. Оценки долгосрочной динамики неравенства доходов в России/СССР

Примечание: РИТ – работники интеллектуального труда (руководители, специалисты, другие служащие)
 Источник: * оценки автора на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>) и (Atkinson and Micklewright, 1992; Alexeev and Gaddy, 1993; TransMONEE, 2011⁶), ** расчеты автора на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671>) и (Didenko et al., 2013: Supplementary Data)

⁵ Расчеты за 1913 г. основываются на данных Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г. с некоторыми корректировками. Подробнее см. в (Диденко, 2015: 209–210, 273–274).

⁶ Здесь и далее: TransMONEE. Database. UNICEF Regional Office for CEE/CIS. Geneva, 2011. http://transmonee.org/wp-content/uploads/2016/05/Tables_TransMonee_2011.xls

Аналогичную циклическую динамику показывают оценки по индексу Джини, сделанные исследовательскими командами Я.Л. ван Зандена (Van Zanden et al., 2013) и Т. Пикетти (Novokmet et al., 2018).

Расчеты Минфина, использованные командой Т. Пикетти в качестве основного источника, оцениваются в (Ханин, 2010: 67–68) как занижавшие размеры крупных доходов. Несмотря на это, примененные в (Novokmet et al., 2018) корректировки (в соответствии с коэффициентами Парето) приводят к завышенной оценке уровня дифференциации доходов в 1905 г. (55% по индексу Джини), как и в постсоветский период (см. ниже).

Более достоверными за дореволюционный период представляются оценки команды Я.Л. ван Зандена, которые базируются на дифференциации антропометрических показателей (в первую очередь роста, во вторую – веса), косвенно свидетельствующих о дифференциации доходов (через количество и качество питания) и сообщенных Б.Н. Мироновым.

Оценка за 1910 г. в (Van Zanden et al., 2013) поддерживается результатами исследования (Lindert and Nafziger, 2014: 787, 790–791), основанного на общестрановых источниках о доходах домохозяйств (в том числе Минфина). В этом исследовании дореволюционный уровень неравенства доходов оценен в 36,2% по индексу Джини (в Европейской России), т.е. между советским и постсоветским уровнями, но ближе к последнему.

Децильный коэффициент в начале XX в. оценивается в 21,2 в (Ханин, 2010: 71), что меньше, чем на рубеже 1990-х – 2000-х гг. (по его же оценкам: см. ниже), но выше любых оценок по современной России (табл. 2). Значительно более низкая оценка по началу XX в. дана в (Миронов, 2018: 470): примерно 6,3, с возможным диапазоном 4–11. Только в районе верхней границы имеется пересечение с оценками по современной России.

Советский период характеризуется относительно скромными премиями за квалификацию в оплате труда, хотя в 1930-е гг. в период ускоренной индустриализации отмечалось их коррекционное повышение (рис. 2). Таким образом, выделяются периоды сравнительно высокого (1930-е – середина 1950-х гг.) и пониженного (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) неравенства.

Оценки и свидетельства в предшествующей литературе в целом подтверждают тренды наших расчетов и оценок команды Т. Пикетти. Так, по относительным показателям дифференциации оплаты труда в 1930-е гг. ситуация в СССР была сопоставима с США (Gregory and Stuart, 1994: 182–183). В 1970-х гг. уровень дифференциации оплаты труда в СССР был сопоставим с Японией и рядом стран Западной Европы, особенно с имевшими развитые институты «государства всеобщего благосостояния» (Bergson, 1984: 1063, 1070, 1072, 1092).

В отношении советского периода в (Novokmet et al., 2018) не применялись чрезмерно завышающие корректировки. При этом их оценки неравенства доходов в позднем СССР оказываются справедливо выше, чем в (Atkinson and Micklewright, 1992: Statistical appendix, Table UE1, UI1, UI3; Alexeev and Gaddy, 1993: 29), которые базировались на тех же источниках (обследования семейных бюджетов и основанная на них советская научная литература). В то же время данные бюджетных обследований советского периода требуют корректировок, прежде всего, в силу смещения выборки, приведшего к занижению масштабов неравенства. Также необходим учет институтов неравного доступа к потребительским благам⁷, как и расширения теневой экономики (Ханин, 2008: 343–355, 392, 489–491; Alexeev and Gaddy, 1993: 32–33).

С началом прорыночных реформ в конце 1980-х гг. в России было отмечено резкое усиление дифференциации доходов, в том числе оплаты труда (табл. 5). В России в радикальной форме проявились закономерности системных социально-экономических трансформаций. В первую очередь существенное ослабление и выборочное разрушение прежних институтов, в том числе тех, которые оказывали сдерживающее воздействие на уровень экономического неравенства и его негативные социальные последствия. Это привело к резкому усилению дисбалансов спроса и предложения на многих рынках, в том числе в отношении структуры квалификаций и навыков.

По оценкам в (Ханин, 2014: 579), на пике дифференциации доходов децильный коэффициент был близок к 25, с вероятной верхней границей в 30. Эти оценки корреспондируют с диапазоном Luxembourg Income Study, который составил 21,71–29,82 (UNU-WIDER, 2021)

⁷ Данная методическая проблема признавалась авторами (Novokmet et al., 2018: 214), но была оставлена без какого-либо решения.

Таблица 5

Альтернативные оценки неравенства доходов в России в 1990-е гг., индексы Джини, %

Год	NPZ (2018) – налогооблагаемые доходы	УТИР-UNIDO (Galbraith et al., 2017)	Всемирный банк – доходы и расходы*	ЮНИСЕФ (Центр Инноченти)**	WIID***	Шевяков, Кирута (2002) – доходы	РМЭЗ НИУ ВШЭ – з/п****	Росстат – доходы*****	Росстат – з/п*****
1989	29,6	26,1		27,07	34,65				
1990	30,9	27,1		26,92	39,33				
1991	31,6			32,45	44,01	34,1		26,0	
1992	42,9			37,09	48,69	37,0		28,9	
1993	45,8	38,8	48,4	46,13	53,37	43,9		40,7	
1994	53,7	40,7		44,58	52,66	46,5	49,5	40,9	
1995	56,4	42,0		47,07	51,95	45,0		38,7	45,4
1996	63,7	42,8	46,1	48,25	51,24	48,0	48,8	38,7	44,5
1997	58,8	42,9	38,4		43,88	47,0		39,0	44,7
1998	55,4	42,9	38,1		43,68		48,9	39,4	
1999	56,6	44,2	37,4		42,98		49,5	40,0	48,2

Источники: * World Bank (2021), ** TransMONEE (2011), *** UNU-WIDER (2021), **** За последние 30 дней до опроса; расчет (Капелюк, 2019: 21), ***** https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cbAGFbtY/pril-year_2020.xls, ***** <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>

Свидетельства источников различаются в отношении того, когда был достигнут максимальный уровень неравенства доходов: в конце 1990-х или в начале 2000-х гг. Тем не менее они сходятся в том, что в 2000-е гг., с завершением наиболее острой фазы переходного процесса и на фоне восстановления экономики, в России наблюдалось снижение неравенства доходов (табл. 6).

Таблица 6

Альтернативные оценки неравенства доходов в России в 2000-е гг., индексы Джини, %

Год	NPZ (2018) – налогооблагаемые доходы	УТИР-UNIDO (Galbraith et al., 2017)	Всемирный банк – доходы и расходы*	ЮНИСЕФ (Центр Инноченти)**	WIID***	РМЭЗ НИУ ВШЭ – з/п****	Лукьянова (2008)*****	Росстат – доходы*****	Росстат – з/п*****
2000	58,2	45,0	37,1		42,63	52,1	44,0	39,5	48,3
2001	59,1	44,1	36,9	52,12	41,63		44,0	39,7	50,8
2002	57,9	42,8	37,3	49,12	40,63		40,0	39,7	47,7
2003	58,2	43,4	40,0		39,63	45,2	41,0	40,3	48,1
2004	57,4	43,1	40,3	46,90	38,63		39,0	40,9	46,7
2005	56,8	42,6	41,3	44,50	37,28	42,3	39,0	40,9	45,6
2006	58,3	42,0	41,0	45,10	35,93			41,5	45,9
2007	58,7	41,7	42,3	43,90	34,58	39,0		42,2	44,7
2008	59,6	41,0	41,6	42,30	34,57			42,1	
2009	57,4	42,1	39,8	41,90	34,56	39,4		42,1	41,8

Источники: * World Bank (2021), ** TransMONEE (2011), *** UNU-WIDER (2021), **** Расчет (Капелюк, 2019: 21), ***** По зарплатам на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ (Лукьянова, 2008: 503), ***** https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cbAGFbtY/pril-year_2020.xls, ***** <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210>

Данная тенденция, как и опережающее повышение доходов в нижнем сегменте, также была отмечена в широко обсуждавшемся исследовании на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (Gorodnichenko et al., 2010: 215–216, 222–224). Поскольку неравенство доходов начало сглаживаться, стали наблюдаться признаки снижения (хотя и незначительного) частной отдачи на образование (Лукьянова, 2008: 531–532, 535).

Тенденция к сокращению неравенства доходов признавалась и авторами наиболее высоких оценок его уровня (Novokmet et al., 2018), склонных к завышающим корректировкам исходных данных⁸. Причем едва ли не впервые в исследовательской литературе эти авторы установили, что та же тенденция к сокращению неравенства с 2008 г. распространилась на сферу накопленного богатства (Novokmet et al., 2018: 217).

Неравенство в России: взгляд в будущее

Несмотря на приведенные выше свидетельства о сокращении неравенства доходов, оно сохраняется на высоком уровне не только по историческим, но, как следует из базы данных WIID (UNU-WIDER, 2021), и по межстрановым сопоставлениям.

Важный вопрос заключается в содержательной интерпретации высоких значений индикаторов неравенства доходов и богатства. Специфика института частной собственности в условиях тенденции к фактическому огосударствлению экономики требует корректировок в сторону более сдержанных суждений, по крайней мере, в контексте сопоставления с другими странами. Эта специфика проявляется, прежде всего, в том, что частные экономические субъекты могут выступать агентами государства и/или различных групп российской политической элиты.

Тем не менее высоким остается вклад факторов дискриминации по полу, происхождению, национальности (Капелюк, 2019; Tiwari et al., 2015). В этой связи все более сильно проявляются признаки снижения толерантности российского общества к неравенству. В данном аспекте особенно важно, что социальное и экономическое поведение определяет субъективное восприятие неравенства доходов.

Последние эмпирические исследования указывают на то, что понимание респондентами своего места в распределении доходов в большинстве стран сильно отличается от положения, выражаемого с помощью конвенциональных индикаторов (Gimpelson and Treisman, 2018). Так, среди российских респондентов была отмечена только одна адекватная оценка из 10; в 2/3 случаев была отмечена недооценка; в 1/5 случаев – переоценка (Гимпельсон, Чернина, 2020). Таким образом, в обществе определенно преобладает негативизм восприятия действительности. Принципиальным фактором социального самочувствия становится то, насколько субъективно ощущаемое место воспринимается результатом игры по правилам или в нарушение правил (Гимпельсон, Монусова, 2014; Монусова, 2016).

С одной стороны, массовое сознание россиян инерционно основывается на давних стилизованных фактах. Проведение приватизации в условиях сильно ослабленных институтов имеет следствием по-прежнему низкий уровень легитимности прав собственности, даже несмотря на смену господствующих укладов в крупном корпоративном секторе (государственный капитализм вместо олигархического).

С другой стороны, при восприятии неравенства важно наличие в обществе каналов вертикальной мобильности, т.е. возможности улучшить свое положение, следуя действующим правилам социального взаимодействия (Гимпельсон, Монусова, 2014; Gimpelson and Treisman, 2018). Отмечаемая в условиях снижения роли конкурентных принципов тенденция к склеротизации институтов, определяющих шансы, каналы и темпы социальной мобильности, ведет к усилению негативного восприятия неравенства.

В первую очередь, как показывают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, с 2014 г. наблюдается тренд (слабо выраженный до 2018 г.) к ухудшению оценок общего уровня жизни, материального положения, ожиданий в отношении жизненных перспектив. За указанный период доля полностью или частично удовлетворенных жизнью понизилась с 51,3% до 49,6%; заметивших улучшение своего материального положения – с 26,3 до 20,9%, заметивших его ухудшение поднялась с 16,4% до

⁸ Их критика дана в (Капелюшников, 2020а).

23,9%. В пользу слабости тренда говорит сокращение доли полностью или частично неудовлетворенных жизнью с 25,0% до 24,7% (Воронин и др., 2020: 67–70, 91–92).

Эти последние данные РМЭЗ НИУ ВШЭ относятся к 2018 г. По результатам других (как правило, нелонгитюдных) обследований (Латов, 2020; Латова, 2021; Логинов, 2020) можно предполагать, что в 2020–2021 гг. ситуация продолжила ухудшаться более резко.

В (Диденко, 2012: 86) была высказана прогностическая оценка, что в России уровень неравенств будет оставаться сравнительно высоким, с трендом к умеренному и постепенному ослаблению. Такой взгляд аргументировался продемонстрированной на панельных данных закономерностью, что повышенные уровни неравенства склонны иметь страны с большей социальной, культурной и экономической гетерогенностью, с крупной территорией, многочисленным и этнически разнообразным населением.

В настоящее время сохраняются очень сильные различия в пространственно-географическом размещении производительных сил между российскими регионами при низкой мобильности рабочей силы. К этому добавляются слабость независимых профсоюзов в условиях приоритетности цели ограничения безработицы перед регулированием заработных плат в государственной политике на рынке труда.

Потенциал сокращения дифференциации трудовой части доходов (после налогообложения) в предстоящие 10–15 лет оценивается в 5–6 п.п. по индексу Джини, несколько больше – в отношении совокупных доходов. Его могут ускорить как институциональные перемены на рынке труда и в социальной сфере, так и некоторое ускорение темпов экономического роста.

К первому фактору относится активизация государственной политики в направлении перераспределения доходов, вероятность последовательного проведения которой оценивается достаточно высоко. В первую очередь это мягкое внедрение элементов прогрессивного налогообложения. Первым шагом в этом направлении стало принятие закона от 23.11.2020 № 372-ФЗ⁹. Другим шагом может выступить обложение элитного недвижимого имущества, от которого гораздо труднее уклониться. Эти шаги являются не столько следованием рекомендациям экономической теории, сколько ответом на социальный запрос со стороны общества.

В то же время слабо реалистичной оценивается перспектива введения базового дохода в России в той форме, в которой концепция данного института дискутируется в экономически развитых странах (см., напр.: Бобков и др., 2020; Капелюшников, 2020b).

Заключение

В соотнесении с данными других источников наш анализ позволил установить следующие тенденции динамики неравенства доходов в течение последнего десятилетия экономической стагнации в России. В 2010-е гг. эти тенденции были выражены слабо: по одним свидетельствам, снижение неравенства резко замедлилось, по другим – оно умеренно возросло. В целом неравенство совокупных доходов скорее умеренно снизилось, дифференциация заработных плат осталась на прежнем уровне или умеренно возросла за счет повышения премий за квалификацию и навыки при снижении вклада факторов, слабо связанных с интеллектуальными характеристиками работников. Такая картина сочетается со значительным сокращением относительной бедности домохозяйств, прежде всего в результате активизации перераспределительной политики.

Несмотря на то что ранее, в течение 2000-х гг., в России произошло заметное понижение неравенства как заработных плат, так и совокупных доходов, по историческим и межстрановым сравнениям оно остается сравнительно высоким. Оно сопоставимо с уровнем России в начале XX в., который соответствует институциональной среде раннеиндустриальной рыночной экономики, и значительно превышает уровни советского периода.

Динамика последнего десятилетия скорее подтверждает сделанный ранее прогноз (Диденко, 2012: 86) о сохранении повышенного уровня неравенства доходов в России и наличии умеренного потенциала к его ослаблению. В качестве ответа на все более сильно проявляющиеся признаки снижения толерантности российского общества к неравенству со стороны государства обозначились первые шаги в направлении мягкого внедрения элементов прогрессивного налогообложе-

⁹ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011230015>

ния. Оценивая их в рамках долгосрочной политики с более широким спектром фискальных инструментов, мы подтверждаем возможность возобновления сокращения дифференциации зарплат (после налогообложения) на 5-6 процентных пунктов до 35% по индексу Джини.

Литература / References

- Балацкий Е.В. (2020). Институт социального неравенства и экономический рост. *Журнал институциональных исследований* 12(1), 66–83. [Balatsky, E. (2020). Institute of social inequality and economic growth. *Journal of Institutional Studies* 12(1), 66–83 (in Russian)]. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.066-083
- Бобков В.Н., Черных Е.А., Золотов С.А., Павлова В.В. (2020). Безусловный базовый доход: критериальные основы, переходные формы и опыт экспериментов по внедрению. *Социологические исследования* (10), 84–94. [Bobkov, V., Chernykh, E., Zolotov, S., Pavlova, V. (2020). Unconditional basic income: criteria bases, transitional forms and experience of experiments on implementation. *Sociological Studies* (10), 84–94 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S013216250009313-7
- Воронин Г.Л., Киселева И.П., Козырева П.М. и др. (2020). Российские домохозяйства: экономическое поведение, положение на рынке труда, социальное самочувствие (по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 1994–2018 гг.). *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)* (10), 7–94. [Voronin, G., Kiseleva, I., Kozyreva, P., et al. (2020). Russian households: Economic behavior, position on the labor market, social well-being (RLMS-HSE, 1994–2018). *Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the Higher School of Economics (RLMS-HSE)* (10), 7–94 (in Russian)]. DOI: 10.17323/978-5-7598-2038-8
- Вотинов А.И., Лазарян С.С., Овчинников В.Н. (2019). Выявление факторов неравенства в России с использованием регрессионной декомпозиции. *Финансовый журнал* (5), 74–89. [Votinov, A., Lazaryan, S., Ovchinnikov, V. (2019). Regression-based decomposition of income inequality factors in Russia. *Financial Journal* (5), 74–89 (in Russian)]. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-5-74-89
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. (2014). Восприятие неравенства и социальная мобильность. *Экономический журнал Высшей школы экономики* 18(2), 216–248. [Gimpelson, V., Monusova, G. (2014). Perception of inequality and social mobility. *HSE Economic Journal* 18(2), 216–248 (in Russian)].
- Гимпельсон В.Е., Чернина Е.М. (2020). Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие. *Журнал Новой экономической ассоциации* (2), 30–56. [Gimpelson, V., Chernina, E. (2020). How we perceive our place in income distribution and how the perceptions deviate from reality. *The Journal of the New Economic Association* (2), 30–56 (in Russian)].
- Диденко Д.В. (2012). Трансформационные процессы и человеческое развитие: некоторые аспекты влияния социально-экономических неравенств. *Terra Economicus* 10(1), 70–88. [Didenko, D. (2012). Transformational processes and human development: influence of socioeconomic inequalities. *Terra Economicus* 10(1), 70–88 (in Russian)].
- Диденко Д.В. (2015). *Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии*. СПб.: Алетея. [Didenko, D. (2015). *Knowledge-intensive economy: human capital in Russian and global socio-economic development*. St. Petersburg: Aletheia (in Russian)].
- Капелюк С.Д. (2019). Неравенство в заработной плате: значителен ли вклад дискриминации? *Вестник Сибирского университета потребительской кооперации* (1), 12–31. [Kapelyuk, S. (2019). Wage inequality: How large is the contribution of the discrimination? *Bulletin of the Siberian University of Consumer Cooperatives* (1), 12–31 (in Russian)].
- Капелюшников Р.И. (2019). Экономическое неравенство – вселенское зло? *Вопросы экономики* (4), 91–106. [Kapeliushnikov, R. (2019). Is economic inequality a universal evil? *Voprosy Ekonomiki* (4), 91–106 (in Russian)].
- Капелюшников Р.И. (2020a). Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов. *Вопросы экономики* (4), 67–106. [Kapeliushnikov, R. (2020a). Piketty's team on inequality in Russia: A collection of statistical artifacts. *Voprosy Ekonomiki* (4), 67–106 (in Russian)].
- Капелюшников Р.И. (2020b). Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? *Вопросы экономики* (8), 95–127. [Kapeliushnikov, R. (2020b). Universal basic income: does it have a future? *Voprosy Ekonomiki* (8), 95–127 (in Russian)].
- Кислицына О.А. (2005). *Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России*. М.: РИЦ ИСЭПН. [Kislitsyna, O. (2005). *Income and health inequality in modern Russia*. Moscow: RIC ISEPN Publ. (in Russian)].

- Латов Ю.В. (2020). «Духовная атмосфера» 2020 года: опыт анализа социально-эмоционального самочувствия россиян. *Социологические исследования* (12), 139–150. [Latov, Yu. (2020). "Spiritual atmosphere" 2020: experience of analysis of the social-emotional self-sense of Russians. *Sociological Studies* (12), 139–150 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S013216250012511-5
- Латова Н.В. (2021). Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии. *Социологические исследования* (4), 37–49. [Latova, N. (2021). Situation in the country and its prospects through the prism of public opinion during the pandemic. *Sociological Studies* (4), 37–49 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S013216250013734-0
- Логинов Д.М. (2020). Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* (6), 470–487. [Loginov, D. (2020). Social well-being of the Russian population during the acute stage of the epidemiological crisis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)* (6), 470–487 (in Russian)]. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1708
- Лукьянова А.Л. (2008). Динамика и структура неравенства по заработной плате (1998–2005 гг.) / В кн.: Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) *Заработная плата в России: эволюция и дифференциация*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, с. 486–546. [Lukyanova, A. (2008). Dynamics and structure of wage inequality (1998–2005). In: Gimpelson, V., Kapelyushnikov, R. (eds.) *Wages in Russia: Evolution and Differentiation*. Moscow: HSE Publishing House, pp. 486–546 (in Russian)].
- Малкина М.Ю. (2016). Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике. *Журнал институциональных исследований* 8(1), 100–120. [Malkina, M. (2016). Institutional framework of income inequality in modern economy. *Journal of Institutional Studies* 8(1), 100–120 (in Russian)].
- Меркулова Т.В. (2010). Экономический рост и неравенство: институциональный аспект и моделирование взаимосвязи. *Мир России* 19(2), 59–77. [Merkulova, T. (2010). Economic growth and inequality: Institutional aspect and modeling the nexus. *Universe of Russia* 19(2), 59–77 (in Russian)].
- Миланович Б. (2017). *Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации*. М.: Издательство Института Гайдара. [Milanovic, B. (2017). *Global Inequality. A New Approach for the Era of Globalization*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (in Russian)].
- Миронов Б.Н. (2018). *Российская империя: от традиции к модерну*, т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин. [Mironov, B. (2018). *Russian Empire: From Tradition to Modernity*, vol. 1. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. (in Russian)].
- Монусова Г.А. (2016). Чем определяется восприятие неравенства в доходах. *Мировая экономика и международные отношения* 60(1), 53–67. [Monusova, G. (2016). What shapes the perception of income inequality. *World Economy and International Relations* 60(1), 53–67 (in Russian)].
- Нуреев Р.М. (2003). Институциональный анализ поведения домохозяйств: общая характеристика / В кн.: Нуреев Р.М. (ред.) *Экономические субъекты постсоветской России (Институциональный анализ)*, ч. 1. М.: Московский общественный научный фонд, с. 102–121. [Nureev, R. (2003). Institutional analysis of household behavior: General characteristics. In: Nureev, R. (ed.) *Economic Subjects of Post-Soviet Russia (Institutional Analysis)*, part 1. Moscow: Moscow Public Science Foundation Publ., pp. 102–121 (in Russian)].
- Нуреев Р.М. (2019). Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ): 30 лет спустя / В кн.: Заостровцев А.П. (ред.) *Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы*. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», с. 222–240. [Nureev, R. (2019). Economic subjects of post-Soviet Russia (institutional analysis): 30 years later. In: Zaostrovtssev, A. (ed.) *Institutional Economic Theory: History, Problems and Prospects*. Saint Petersburg: ICSEER Leontief Center Publ., pp. 222–240 (in Russian)].
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. (2016). Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России. *Журнал новой экономической ассоциации* (3), 170–185. [Ovcharova, L., Popova, D., Rudberg, A. (2016). Decomposition of income inequality in contemporary Russia. *The Journal of the New Economic Association* (3), 170–185 (in Russian)].
- Пикетти Т. (2015). *Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem. [Piketty, T. (2015). *Capital in the Twenty-First Century*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian)].
- Полякова Е.Ю., Смирных Л.И. (2016). Дифференциация трудовых доходов между местными работниками и индивидами с иммиграционным прошлым: имеет ли значение этничность? *Прикладная эконометрика* 43(3), 52–72. [Polyakova, E., Smirnykh, L. (2016). The earning differential between natives and individuals with immigrant background in Russia: the role of ethnicity. *Applied Econometrics* 43(3), 52–72 (in Russian)].

- Салмина А.А. (2019). Сравнительный анализ показателей неравенства – их особенности и применение. *Общество и экономика* (7), 35–58. [Salmina, A. (2019). Comparative analysis of inequality indicators: characteristics and applications. *Society and Economics* (7), 35–58 (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2008). *Экономическая история России в новейшее время*, т. 1. *Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год*. Новосибирск: Изд-во НГТУ. [Khanin, G. (2008). *Economic History of Russia in XX century*, vol. 1. *Soviet Economy from the End 1930s to 1987*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ. House (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2010). Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? *Идеи и идеалы* (2), 64–72. [Khanin, G. (2010). What social differentiation in pre-revolutionary Russia was? *Ideas & Ideals* (2), 64–72 (in Russian)].
- Ханин Г.И. (2014). *Экономическая история России в новейшее время*, т. 3. *Российская экономика в 1992–1998 годы*. Новосибирск: Изд-во НГТУ. [Khanin, G. (2014). *History of the Russian Economy at the Newest Time*, vol. 3. *Russian Economy (1992–1998)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ. House (in Russian)].
- Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. (2002). *Измерение экономического неравенства*. М.: Лето. [Sheviakov, A., Kiruta, A. (2002). *Measuring Economic Inequality*. Moscow: Leto Publ. (in Russian)].
- Юревич М.А. (2019). Социальное неравенство, инвестиции и экономический рост. *Вопросы регулирования экономики* **10**(4), 35–46. [Yurevich, M. (2019). Social inequality, investment and economic growth. *Journal of Economic Regulation* **10**(4), 35–46 (in Russian)].
- Alexeev, M., Gaddy, C. (1993). Income Distribution in the U.S.S.R. in the 1980s. *Review of Income and Wealth* **39**(1), 23–36.
- Atkinson, A., Micklewright, J. (1992). *Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bergson, A. (1984). Income Inequality under Soviet Socialism. *Journal of Economic Literature* **22**(3), 1052–1099.
- Dang, H., Lokshin, M., Abanokova, K., Bussolo, M. (2018). *Inequality and welfare dynamics in the Russian Federation during 1994–2015*. Policy Research Working Paper 8629. World Bank Group. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30649>
- Didenko, D., Földvári, P., Van Leeuwen, B. (2013). The spread of human capital in the former Soviet Union area in a comparative perspective: Exploring a new dataset. *Journal of Eurasian Studies* **4**(2), 123–135 + Supplementary data. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366513000122>
- Galbraith, J., Halbach, B., Malinowska, A., Shams, A., Zhang, W. (2015). *The UTIP global inequality datasets 1963–2008*. WIDER Working paper 2015/019. <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2015-019.pdf>
- Gimpelson, V., Treisman, D. (2018). Misperceiving Inequality. *Economics and Politics* **30**(1), 27–54.
- Gorodnichenko, Y., Sabirianova Peter K., Stolyarov, D. (2010). Inequality and volatility moderation in Russia: Evidence from micro-level panel data on consumption and income. *Review of Economic Dynamics* **13**(1), 209–237.
- Lindert, P., Nafziger, S. (2014). Russian inequality on the eve of revolution. *The Journal of Economic History* **74**(3), 767–798.
- Lisina, A., Van Kerm, P. (2019). Understanding inequality and poverty trends in Russia. *IARIW-HSE Conference*. Moscow, Russia, September 17–18, 2019. <https://www.hse.ru/data/2019/10/07/1542255149/Understanding%20Inequality.pdf>
- Mareeva, S. (2020). Socio-economic inequalities in modern Russia and their perception by the population. *The Journal of Chinese Sociology* **7**(10). DOI: 10.1186/s40711-020-00124-9
- Novokmet, F., Piketty, T., Zucman, G. (2018). From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia 1905–2016. *Journal of Economic Inequality* **16**(2), 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0
- Tiwari, S., Lara Ibarra, G., Narayan, A. (2015). *How unfair is the inequality of wage earnings in Russia? Estimates from panel data*. The World Bank. WP No. 7291. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/22162>
- Van Zanden, J.L., Baten, J., Földvári, P., Van Leeuwen, B. (2013). The changing shape of global inequality 1820–2000; Exploring a new dataset. *Review of Income and Wealth* **60**(2), 279–297. DOI: 10.1111/roiw.12014